

И.А. Маланов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Бурятский государственный университет, Улан-Удэ (Россия)

Ключевые слова: цивилизация, кочевая цивилизация, образ жизни, номадизм, мифологическое сознание, образовательное пространство.

Аннотация: В статье раскрываются особенности хозяйственно-экономической, социально-культурной жизни архаичного бурят-монгольского общества, раскрывается специфика образа жизни кочевников, дается характеристика социально-культурной среды и образовательного пространства.

Кочевничество становится основным направлением хозяйственно-культурного развития евразийских племен, как минимум, с середины I тыс. до н.э. Выделение этой цивилизации вполне можно назвать степной революцией, которая имела не меньшее значение для человечества, чем городская или земледельческая. Кочевая цивилизация – это особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации, а степной образ жизни такой же исторический феномен, как и городской, сельский.

Становление кочевой цивилизации по данным исторической науки проходило 3 этапа: гуннский (III в. до н.э. – V в. н.э.), тюрский (VI–XII вв. н.э.), монгольский (XII–XIV вв.).

Именно монгольская кочевая цивилизация оказала решающее влияние на становление бурятской этнической общности, ее основной хозяйственной деятельности и культуры. Однако, цивилизационные процессы при формировании и развитии бурятского этноса имели свои социально-экономические и культурно-исторические особенности.

Для осмысления глубины цивилизационных процессов и их влияния на образование необходимо обратиться к изучению природно-климатических, этнографических, культурно-исторических факторов, определявших своеобразие образовательного пространства в период бурят-монгольской кочевой цивилизации

Обширная территория этнографической Бурятии, располагаясь на стыке различных географических зон, отли-

чается разнообразием природно-климатических условий и характеризуется рядом особенных черт и свойств.

Бурятия расположена почти в самом центре Азии. Здесь соседствуют монгольские степи и сибирская тайга, отдельные участки степи глубоко проникают в таежную зону. Разнообразие ландшафтов – от горно-тундровых и горно-таежных до степных и полупустынных – в совокупности с крупнейшим в мире и древнейшим пресноводным озером Байкал определяет разнообразие культур местного населения в конкретных исторических условиях.

Данные природно-климатические условия определили тип основной хозяйственной деятельности – занятие скотоводством (кочевое и комплексное – земледельческо-скотоводческое) с преобладанием скотоводства) как особого типа производственной деятельности. Скотоводство существовало в локальных пространственно-исторических границах, с определенной амплитудой климатических условий жизнедеятельности в особых экологических нишах. Вследствие этого оно было тесно взаимосвязано с природными ресурсами среды обитания и посредством антропогенных процессов органически включено в окружающую среду.

Особенности организации хозяйственной жизни обусловили мировоззрение кочевников отразившегося в древнем религиозном культе бурят-монголов – шаманизме, на анализе которого мы остановимся чуть ниже. Мировоззрение жителя кочевой цивилизации гармонично взаимосвязывало мир природы и мир человека. Эти пред-

ставления формировались в сознании подрастающего поколения в обыденной жизни и при выполнении особых ритуалов старшими. Они с раннего возраста приучались не наносить напрасно вред природному окружению, брать у нее самое минимальное, что было необходимо для выживания в этих довольно непростых природно-климатических условиях.

Кочевой тип хозяйствования определяет особый образ жизни, формирует особые жизненные ценности, самобытную культуру.

Номадизм (древнегреческое название кочевников) - образ жизни народов, которые не проживают постоянно на одном месте, а перемещаются циклически или периодически. В его основе лежат временные центры, стабильность которых зависит от имеющихся пищевых ресурсов и технологии их эксплуатации. Кочевники-скотоводы, основой жизни которых является разведение домашнего скота, мигрируют на определенной территории, где они могут найти пастбища для скота.

Образ жизни и способ хозяйствования оказали влияние на выбор веры и особенности развития материальной и духовной культуры. Одной из самых ранних форм религии автохтонного населения этнической Бурятии (эвенков и бурят) является особая специфическая система верований и культов, в основе которой лежат одухотворение и обожествление объектов и явлений природы, вера в возможность магического воздействия на окружающий мир других людей с помощью духов, с которыми в состоянии мистического транса общается человек, наделенный особой магической силой.

Мифологическое сознание кочевника связывало в одно целое природу (макрокосм) и человека (микрокосм), а образ горы выполнял в этом сознании очень важные функции, играя роль медиатора (посредника) между различными началами и силами (стихиями) мироздания - человеком и природой, небом и землей и т. д.

Именно для того чтобы внести в процессы взаимодействия этих грозных сил природы с человеком элемент управления, древние кочевники разработали процедуры их задабривания.

Почитанием и различными ритуальными обрядами характеризуется отношение бурят к животным и птицам, в основе которого идея общности мира людей и мира животных. Наиболее ярко это выражено в тотемах бурят, согласно которым прародителями некоторых бурятских родов были волк, орел, лебедь, налим, собака и др.

В основе многих обрядов лежат чувства благодарности, благоговения, что подчеркивает, возможно, еще неосознанное глубинное понимание хрупкости экологической среды. В связи с этим можно говорить о наличии рациональных механизмов адаптации к среде обитания, умении сохранять длительный баланс во взаимоотношениях со средой, главным образом путем осуществления стихийных природоохраняющих мер. Хорошо известны системы строгого ограничения времени, места и масштабов охоты на животных, сбора растений.

Эти представления формировались в сознании подрастающего поколения в обыденной жизни и при выполнении особых ритуалов старшими. Дети с самого раннего возраста приучались не наносить напрасно вред окружающей природной среде, брать у нее самое минимальное, что было необходимо для выживания в непростых природно-климатических условиях.

Дети в традиционной системе ценностей бурят занимали особое место и считались главным богатством человека, и чем многодетнее была семья, тем счастливее были родители.

Поскольку многодетность всегда почиталась за счастье, родителям имеющим много детей, оказывалось больше почтения и уважения. Остаться без потомства - значило не продолжить рода, не сохранить домашнего (родового) очага а этого больше всего страшился любой член общества. Урэгэй хун-зула, урэгуй хун ула ("Человек с детьми подобен свече, человек без детей подобен подо-

шве")- гласит народная мудрость. Отсутствие детей было самым большим несчастьем для бурят и рассматривалось как наказание свыше.

Если бурят умирал бездетным, говорили: Гал гуламань унтарраа! («Очаг его потух!»). Именно поэтому самая страшная клятва бурята заключалась в словах «Пусть потухнет мой очаг!».

В силу существования таких представлений у бурят способность женщины к деторождению считалась самым важным ее достоинством, а потому еще при выборе невесты для сына из-за опасения и страха перед возможной ее бездетностью особое внимание обращалось на телосложение девушки с точки зрения способности к деторождению. И именно с этих позиций, а также с позиций приспособленности девушки к хозяйственной жизни кочевников оценивалась ее внешняя красота и сексуальность.

Желание иметь детей, сознание необходимости продолжения рода были настолько велики, что они породили обычай усыновления, ставший распространенным и повсеместным явлением у бурят. Каждая бездетная семья старалась усыновить детей, особенно мальчиков, чтобы они продолжили род. Если же дети оставались сиротами, усыновить их считалось естественным и почетным даже теми, у кого были свои собственные. Приемные дети пользовались всеми теми же правами, что и собственные.

Рождение ребенка, особенно сына, было одним из самых значительных событий в жизни семьи. В мальчике видели не только наследника, будущего хозяина и продолжателя рода. Он с самого рождения зачислялся как мужчина в состав общины и при переделах общинных покосных угодий получал "душевой" надел, в чем немало была заинтересована семья. Поэтому когда у отца спрашивали о количестве детей, то он называл именно количества сыновей, хотя фактически у него с дочерьми их было гораздо больше..

Большая любовь к детям, стремление сохранить их жизнь при существующей высокой смертности порождали и поддерживали у бурят веру в различный рода обереги и магические действия. Из всего комплекса обрядов и церемоний чрезвычайно ответственным и заботливым было отношение к последу, поскольку считалось, что послед - это душа ребенка, и жизнь новорожденного зависела от того, какие предосторожности предпринимались относительно последа. Потому захоронению последа, его уберезению буряты придавали исключительно важное значение.

У всех локальных групп бурят был известен праздник милаангууд (милаага, милаагад), посвященный ребенку.

Милаангууд - древний обычай, его первоначальный смысл, вероятно, представлял собой посвящение, прием в члены родового коллектива нового человека. Для милаангууд - обязательного праздника - обряда в честь каждого ребенка - необходимо было приготовить столько мяса и угощений, чтобы их не только хватило на всех присутствующих, но и каждая семья непременно могла бы получить определенную долю домой. Каждый пришедший на милаангууд, в свою очередь, обязательно приносил подарок, чаще деньги (или указывал какую-либо скотину), причем подарок был не от семьи в целом, а от каждого участника.

Традиции ухода за детьми и их воспитание имели у бурят свои специфические черты и отличались общностью и стабильностью во всех районах проживания бурятского населения. Существовали сложившиеся приемы кормления детей, способы их физического закаливания. Отношение старших к детям отличалось исключительной мягкостью. Не принято было детей наказывать: всякое физическое воздействие, особенно порка, считались вредными для их здоровья.

Поскольку основной сферой социализации детей в традиционном обществе была семья и семейно-родственная группа, то и у бурят дети с малых лет приобщались к труду, усваивали весь комплекс народных знаний, выработанных предшествующими поколениями, необходимых для ведения скотоводческого, земледельческого, промыслового

хозяйства, постигали своеобразные экологические знания во всем их разнообразии очень бережного, осторожного, внимательного отношения к окружающей природе.

Одна из главных особенностей нравственного воспитания заключалась в том, что детям с раннего возраста прививалось послушание, почтительное отношение и уважение к родителям и вообще к старшим, особенно к старикам. Ослушаться, выказывать пренебрежение, спорить со старшими считалось в высшей степени недостойным и непозволительным. Прививались и тесные родственные отношения ко всем членам семейно-родственного круга и готовность оказания помощи тем, кто в этом нуждался, как к своим близким. Ребенок с детства приобщался и к нормам и правилам этикета, принятым в обществе.

Огромную роль в воспитании этих качеств играли произведения устного народного творчества, во всех жанрах которого ярко отражена народная система ценностей и жестоко высмеиваются и осуждаются лень, трусость, эгоизм и другие человеческие пороки. Вообще знакомству с фольклором у бурят придавалось большое значение. Слушая рассказы стариков, дети проходили своеобразную домашнюю школу, усваивали богатейшее наследие устного народного творчества, знакомились с историей и генеалогией рода, племени.

Последовательное усвоение этих богатств, норм социального поведения в духе этнических установок, приобщение к новым условиям жизни было основой социализации подрастающих поколений. Таким образом, семья выступала в качестве стабилизирующего начала в функционировании и развитии этноса, что особенно ярко проявлялось в трансмиссии этнокультурного наследия.

С точки зрения современной педагогической науки воспитательная практика сложившаяся в условиях бурят-монгольской кочевой цивилизации носила ярко выраженный гендерный контекст.

Такое воспитание вытекало из особенностей кочевого образа жизни. Существовало строгое разделение труда: мужчины занимались воинскими делами, пасти скот; женщины - домашним хозяйством. Наблюдения исследователей конкретизируют это разделение: мужчины делали лук и стрелы, изготавливали стремена, седла, строили дома и повозки, караулили лошадей, доили кобылиц, готовили кумыс, охраняли скот, выючили верблюдов. Овец и коз пасти и доили как мужчины, так и женщины. Женщины управляли повозками, устанавливали на них жилища, доили коров, выделывали кожи, шили одежду.

Генезис семейного-воспитания на протяжении многовекового развития бурятского этноса сформировал содержание системы воспитания, основанную на представлениях об идеальном образе мужчины и женщины: «Девять наук настоящего мужчины» и «семь талантов женщины».

Система воспитания мальчиков «Девять наук настоящего мужчины» предполагала овладение следующими умениями: 1) Агнаха (охотиться). 2) Эбэр номын хубшэ татаха (уметь натягивать тетиву рогового лука). 3) Урилдаанай мори унаха (уметь быть наездником). 4) Барилдаха (уметь бороться). 5) Дархалха (уметь выполнять кузнечные работы). 6) Урлаха (уметь мастерить). 7) Наймаар могойшолоод минаа гурэхэ (уметь плести 8-ми ременной бич). 8) Гурбилаа шудзр томохо (уметь вить пути-треножники). 9) һээр (һээр) шааха (уметь ломать одним ударом остистую кость позвонка крупного рогатого скота). Перечень требований, заложенный в системе воспитания мальчиков, говорит о ее древнем происхождении.

Основополагающим в воспитании девочек является идеал добропорядочной жены, умелой хозяйки, заботливой матери. Эти идеи обусловили содержание их приучения к женским обязанностям.

Практическая подготовка девочек, охватывающая профессиональный, психологический, этический, эстетический, интеллектуальный, коммуникативный, поведенческий аспекты осуществлялись через систему «Эхэнэр хунай долоон (юһэн) шанар» (Семь (девять) талантов женщины).

В соответствии с названной системой девочки должны были овладеть семью (или иногда говорят - девятью) умениями: 1) умением оказывать родителям почтение речами, угощением и мягкой постелью (эхэ эсэгэдээ гур-бан зеелэниие шутеехэ - угын зеелэн, эдээнэй зеелэн, унтаринн зеелэн); 2) умением воспитывать детей хорошими людьми (ухибуудээ хайн хунгууд болгохоо хумуужуулхэ); 3) умением вести дом, хозяйство, поддерживать семейный очаг (гэр байраяа, гал гуламтаяа хайнаар сахиха); 4) умением ухаживать за домашними животными (мал адуугаа тобир тарганаар адууһалха); 5) умением готовить молочные блюда (һоор сагаан эдээ бэлдэжэ шадаха); 6) умением уважать мужа и принимать гостей (эрэ нухэроо, айлшадаа хундэлхэ); 7) быть хозяйкой серебряного наперстка - владеть искусством шитья (мунгэн хурабшын эзэн болохо).

Необходимо отметить, что дети в бурятской семье выросли и самостоятельными становились рано. Когда сын входил в подростковый возраст, то отношение отца к нему заметно менялось, и устанавливались «мужские» взаимоотношения на равных. Отец мог делиться с ним заботами, планами, бедами. Доверие, совместное выполнение дел, уважительное отношение отца к мнению сына сближало их и между ними устанавливалось взаимопонимание. С 13-14 лет, когда сын достигал совершеннолетия, отец посвящал его во все семейные дела, часть их полностью передавая ему.

Несколько иначе выглядело взаимоотношение матери с дочерью. Вообще, общение и поведение женщины было строго регламентировано, поэтому к девочкам предъявлялись более повышенные требования и со стороны матери, и со стороны общества. Чрезвычайно поощрялось как можно быстрее и ранее приобретение требуемых семи специальностей, умение принять, угостить гостей, вести беседы на стандартные темы, послушание, аккуратность, доброта, т.е. те умения и качества, которые одобрялись этносом в женщинах.

Таким образом, образовательное пространство бурят-монгольской кочевой цивилизации было обусловлено социальной реальностью детерминированной особенностями командного образа жизни, а также своеобразием духовной и материальной культуры. Сложившиеся в данном образовательном пространстве содержание, способы и приемы социализации детей были направлены на формирование особых качеств личности, способной адаптироваться и выживать в суровых природно-климатических условиях и экстремальной системе политических отношений на основе формирования у подрастающего поколения психологической устойчивости и гибкости мышления.

Одним из значимых результатов становления и развития образовательного пространства бурят-монгольской кочевой цивилизации явилась созданная в результате многовековой воспитательной практики и закрепленная в вербальных формах народного творчества система воспитания, основанная на гендерном принципе разделения труда.

Опыт воспитательной практики кочевой цивилизации бурят выдвинул идеал личности, который гармонично соответствовал хозяйственно-экономическим основам жизни этноса и ее социально-культурным реалиям. Этот идеал отражал субъектное видение личности детей, а также организации воспитания на основе со-бытийности, приущей природе и назначению института семьи и особенностям родовой этнопсихологии.

Все вышеуказанные характеристики образовательного пространства кочевой цивилизации во многом утрачены бурятским этносом в ходе исторического развития, тогда как монголы сумели адаптироваться к новым социально-экономическим условиям и глобальным процессам информационного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. -М., 1992.
2. Басаева К.Д. Брак и семья у Бурят. -Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1991.

3. Буряты /Отв.ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004.

4. Васильева М.С. Этническая педагогика бурят. – Улан-Удэ: Издательство ТГУ, 1998.

5. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – М., 1957.

6. Залкин Е.М. Присоединение Бурятии к России – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958.

7. Крадин Н.Н. Кочевые общества (Проблемы формационной характеристики) – Владивосток, 1992.

8. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. – М., 2006.

9. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.): очерки. – М.; Л.: издательство АН СССР, 1940.

10. Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) //Сибирь, центральная и Восточная Азия в средние века: история и культура Востока. Т.3. –Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1975.

11. Марков Г.Е. Структура и исторические типы образа жизни //Этнографические исследования развития культуры. –М., 1985.

12. Мифы народов мира. –М., Т.2., 1997.

13. Милхайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. –Новосибирск, 1987.

14. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. –М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952.

15. Хангалов М.Н. О бурятах, населяющих Иркутскую губернию //Собр.соч.Т.1. –Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958.

FEATURES OF THE BURYAT-MONGOLIAN NOMADIC CIVILIZATION EDUCATIONAL SPACE

© 2012

I.A. Malanov, the candidate of pedagogical sciences,
the senior lecturer of chair of pedagogics
Buryat State University, Ulan-Ude (Russia)

Keywords: civilization, nomadic civilization, life style, nomadism, mythological consciousness, educational space.

Annotation: In this article author reveals distinctive features of economic, social and cultural life of the archaic Buryat-Mongolian society, specific nomad's life style, and also characterizes social and cultural environment of the educational space of the archaic Buryat-Mongolian society.